

УДК 94(37).08

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ КОРРУПЦИЯ И СИСТЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
АДМИНИСТРАТИВНЫМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯМ В ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ (ПО ДАННЫМ «КОДЕКСА ФЕОДОСИЯ»)****ADMINISTRATIVE CORRUPTION AND THE SYSTEM OF COUNTERACTION
TO ADMINISTRATIVE ABUSE IN THE LATER ROMAN EMPIRE
(ACCORDING TO THE «THEODOSIAN CODE»)****С.А. Сахаров
S.A. Sakharov**Смоленский государственный университет,
Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4Smolensk State University,
4 Przewalski St., Smolensk, 214000, Russia

E-mail: sacharov.stanislav@yandex.ru

Аннотация

В статье на основе данных «Кодекса Феодосия» и трудов античных авторов рассматриваются проблемы административной коррупции в Поздней Римской империи. В частности, делается попытка определить и проанализировать мотивы, толкавшие людей на дачу или получение взяток, выделяются формы административной коррупции, а также рассматриваются меры противодействия коррупции. Материалы источников показывают, что наиболее распространенными мотивами совершения преступлений в системе государственного управления империи периода домината было стремление обрести власть путем получения той или иной должности и желание обогатиться. Это порождало основные формы административной коррупции. Среди них преобладали взяточничество, вымогательство, злоупотребление полномочиями в корыстных целях, оказание незаконной протекции. В свою очередь, римские императоры год от года издают распоряжения антикоррупционного характера, постепенно формируя целостную систему противодействия административной коррупции.

Abstract

In the article on the basis of data the «Theodosian Code» and works of ancient authors are considered the problems of administrative corruption in the Late Roman Empire. In particular, an attempt is made to identify and analyze motives that pushed people to give or receive bribes, identify forms of administrative corruption, and also consider measures to counter corruption. The materials of the sources show that the most common motives for committing crimes in the system of state administration of the empire of the period of the Dominat were the desire to gain power by obtaining one or another post and the desire to enrich. This gave rise to the main forms of administrative corruption. Among them, bribery, extortion, abuse of power for mercenary purposes, the provision of illegal patronage. In turn, the Roman emperors from year to year issue anti-corruption orders, gradually forming an integral system of countering administrative corruption.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, доминат, государственная система, «Кодекс Феодосия», коррупция, механизмы противодействия коррупции.

Keywords: Late Roman Empire, Dominate, the state system, «Theodosian Code», corruption, mechanisms of counteracting corruption.

В государственном секторе Поздней Римской империи многочисленные чиновники часто использовали свое служебное положение в личных интересах. Используя власть в корыстных целях, они изобретали все новые и новые пути получения богатств в обход закона

[Alföldi, 1952, p. 31], порождая тем самым внутренние противоречия и конфликты, способные в короткий срок разрушать саму государственную систему империи. В данной статье нами будут рассмотрены мотивы совершения коррупционных преступлений, формы проявления коррупции в сфере государственного управления Поздней Римской империи, предусмотренные императорским законодательством способы противодействия коррупции.

Источниковой базой работы является, в первую очередь, «Кодекс Феодосия», вошедший в себя законодательные установления римских императоров периода домината. Данные законодательства ценны в силу того, что отражают первостепенные проблемы, которые пыталось решить государство, позволяют говорить о методах и механизмах решения названных проблем, дают основания оценивать степень их эффективности. Содержание закона показывает, как именно по замыслу верховной власти должна была функционировать система управления, какие способы были готовы использовать императоры для обеспечения порядка. Кроме того, данные законодательства отражают основные тенденции социально-политического развития [Лебедева, 1989, с. 5], факторы нарушения социально-политической стабильности [Гюнтер, 1992, с. 113]. Как отмечает А.В. Коптев, императорское законодательство фиксировало складывающиеся реальные общественные отношения и может служить ориентиром для воссоздания разнообразных сторон жизнедеятельности позднеримского общества и государства [Коптев, 1995, с. 58].

Помимо материалов законодательного характера, важное значение для изучения вопросов административной коррупции в Поздней Римской империи имеют сочинения историков, среди которых по своей информативности первостепенное значение имеют труды Зосима и Аммиана Марцеллина. Содержащиеся в них сведения, сопоставленные с положениями закона, позволяют увидеть реальную картину функционирования государственной системы домината, оценить взаимоотношения власти и общества, в том числе, в контексте проявления административной коррупции, угроз, порождаемых ею, позволяют оценивать восприятие обществом мер, принимаемых верховной властью для искоренения административного произвола.

Мотивы коррупционных преступлений и формы административной коррупции в Поздней Римской империи. Данные источников свидетельствуют, что основными мотивами, толкавшими чиновников на совершение преступлений коррупционной направленности, были, во-первых, стремление получить повышение на государственной службе, продвинуться вверх по карьерной лестнице, получить ту или иную желаемую должность, и, во-вторых, стремление к личному обогащению. Выделяя названные мотивы, следует совершенно отчетливо понимать, что они теснейшим образом связаны между собой, ибо обретение власти в большинстве случаев открывало и путь к обогащению, примеры чему нам дают источники.

Обретение власти как фактор коррупции. Итак, одним из мотивов, способствовавших совершению коррупционных преступлений, было стремление к обретению власти, продвижению по карьерной лестнице. Судя по замечаниям А. Альфельди о том, что во времена Констанция «император продавал провинции за наличный счет», и что вообще все «высшие звания рассматривались как объект купли-продажи» [Alföldi, 1952, p. 35], подтвержденным им ссылками на многочисленные источники, можно полагать, что практика обретения власти в результате реализации коррупционных схем была чрезвычайно распространена.

Данные, указывающие на то, что государственные должности в Поздней Римской империи могли легко превратиться в объект «купи-продажи», мы встречаем в источниках. Для подтверждения сказанного следует обратиться к «Новой истории» Зосима, в которой историк, сам занимавший высокие посты в государственном аппарате Восточной империи конца V в., и труд которого необходим для всех кто изучает эпоху поздней античности, повествует о сыне префекта претория «в странах за Альпами, когда Юлиан был Цезарем» (Zos. V.2), использовавшим подкуп с целью продвижения по карьерной лестнице. Лукиан, так звали сына упомянутого преторианского префекта, использовал «покровительство»

коллеги своего отца Руфина (последний также занимал пост префекта претория). Это «покровительство» выразилось в том, что при каждом удобном случае Руфин говорил о достоинствах молодого человека с императором Аркадием (Zos. V.2). В результате Лукиан, по словам Зосима, добился своего и получил звание, которое «позволяет каждому, кому оно присвоено, управлять всеми префектами провинций на Востоке» (Zos. V.2). Однако ценой этого покровительства и, как следствие обретения должности, была «лучшая часть состояния» Лукиана, которую он отдал Руфину в счет «оплаты» оказанных «услуг» (Zos. V.2).

Помимо повествовательных свидетельств Зосима, данные, указывающие на озабоченность верховной власти продажностью государственных должностей, содержатся и непосредственно в законодательстве. В данном контексте ценные сведения нам дает распоряжение императоров Валентиниана, Феодосия и Аркадия от 25 января 386 г. В частности, в документе говорится о том, что «некоторые люди» получают должность дефенсора (защитника) городских общин посредством «коррупцированной просьбы», или подкупа (CTh.1.29.6). Аналогичные сведения мы встречаем и в законодательных установлениях более раннего периода. Например, в распоряжении 333 г. император Константин запрещает «достигать» должности прокуратора посредством «покровительства» (CTh.1.32.1), которое, как мы уже видели выше, могло подкрепляться вполне конкретным материальным содержанием. Косвенно могут указывать на то, что должности в государственном аппарате Поздней Римской империи раздавались не за личные заслуги, а в силу наличия связей и, возможно, подкупа, неоднократные требования императоров Аркадия, Гонория и Феодосия запретить провинциальным руководителям назначать на высокие посты во властных структурах лиц, прибывших из той же провинции, что и сам начальник (CTh.1.34.1; 1.34.3).

Все сказанное выше говорит о том, что люди были готовы давать взятки, даже, как вышеупомянутый Руфин, отдать «лучшую часть» своего состояния для того, чтобы добиться продвижения по карьерной лестнице, обрести желаемую должность, власть и влияние. Получение этой самой власти выступало в качестве одного из мотивов коррупционных преступлений в системе государственной власти Поздней Римской империи.

Стремление к обогащению как фактор коррупции. Однако, не менее важную роль играло простое стремление к обогащению. Причем, оба рассматриваемых фактора, или мотива, теснейшим образом связаны между собой. Они указывают на некую субъект-субъектную связь, субъект-субъектный характер взаимодействия между лицом, дающим взятку с целью того же продвижения на государственной службе, и лицом, берущим взятку и оказывающим первому соответствующее «покровительство». Именно для лица, берущего взятку, обогащение выступало, очевидно, важнейшим мотивом совершения действий коррупционной направленности.

Как показывают данные использованных нами источников, государственная система империи была подвержена болезни незаконного присвоения денег сверху донизу. Весьма характерно в этом отношении замечание Аммиана Марцеллина, который утверждает, что «люди всех рангов пылали ненасытной жадой обогащения без всякого стеснения перед правдой и справедливостью» (Amm. Marc. XVI.8.12). Причем в числе таких «людей» историк называет высших должностных лиц позднеримского государства. Среди них и префекты претория, и высокопоставленные военачальники, и квесторы, и даже начальники царской опочивальни. Что касается ведомства царской опочивальни с его многочисленными евнухами, то, по мнению историка, оно отличалось от других особыми масштабами произвола и коррупции. «Всегда безжалостные и жестокие ... они (евнухи) чувствовали привязанность только к богатству как самому дорогому их сердцу детищу» (Amm. Marc. XVIII.5.4). Аналогичные замечания можно встретить в отношении священной опочивальни и у церковных историков. Так, например, Сократ Схоластик пишет о том, что «все ... жаловались на насилие евнухов и ... лихоимство начальника их Евсевия» (Socr. III.1).

Показывая произвол в административной системе Поздней Римской империи, Аммиан пишет о префекте претория на Востоке Музониане, который, «будучи разумным,

сносным для вверенных ему в управление провинций», в то же время, «при малейшей возможности и особенно в (судебных) процессах проявлял страшное корыстолюбие» (Amm. Marc. XV.13.2). Относительно произвола военачальников яркие характеристики мы встречаем и у Аммиана, и у Зосима. Так, например, Зосим говорит о том, что командиры постоянно вымогали у солдат деньги (Zos. IV.27). Аммиан же свидетельствует об открытых грабежах, чинимых, например, магистрами конницы, которые, желая обогатиться, «пренебрегали даже уловками воров» (Amm. Marc. XV.13.3). Логичное завершение всему этому описывает Зосим, говоря о том, что «в то время, как персидские командиры тревожили наши территории грабительскими налетами», «... римские военачальники были заняты грабежом покорного населения» (Amm. Marc. XV.13.4).

Вышеизложенные свидетельства позволяют предположить, что проблема незаконного обогащения, лихоимства, произвола в деятельности государственной администрации занимала умы позднеримской интеллектуальной элиты и, следовательно, указывает на масштаб распространения коррупции. Последняя воспринималась обществом как очевидное зло, как фактор, причиняющий ущерб безопасности римского государства.

Для иллюстрации последнего тезиса следует рассмотреть очень яркий, буквально вопиющий эпизод позднеримской коррупции, который примерно в одинаковых тонах изображают и Зосим, и Аммиан Марцеллин. Оба историка повествуют о преступлениях военного командира Африки в 360-е гг. Романа, который отказался защищать город Лепсис-Магна на ливийском побережье, не получив от местного населения 4000 верблюдов. Как пишет Аммиан Марцеллин, «не ведавшие жалости дикари истребили много крестьян и увели взятого ими в плен одного из вельмож города» (Amm. Marc. XXVIII.6.1–4). Его жители направили к императору Валентиниану посольство, пытаясь добиться справедливости и защиты. Однако Роман, узнав о возникшей угрозе, послал гонца к своему родственнику Ремигию, занимавшему пост *magister officiorum*. Тот сумел запутать дело и отложить его расследование, в то время как вторжения из пустыни продолжались. Однако обстоятельства происходящего стали известны императору Валентиниану, который потребовал возобновить следствие по делу. Для изучения ситуации в подвергшуюся атакам провинцию был направлен нотариус Палладий. Он собрал необходимые доказательства вины Романа, но, будучи подкуплен им, преднамеренно изменил показания свидетелей и представил в императорском дворце ситуацию так, будто все жалобы являются выдумкой. Результат был закономерен. Роман и его «друзья» остались безнаказанными, в то время как членам посольства, якобы оклеветавшим провинциального начальника, было приказано вырвать языки (Amm. Marc. XXVIII.6.1–4) [Kelly, 2004, p. 204–205; Matthews, 1989, p. 383–384].

В контексте сказанного весьма характерна роль того самого нотариуса Палладия. *Notarii* наряду с *agentes in rebus* и *palatini* принадлежали к числу государственных агентов, используемых позднеримской властью для поддержания порядка и стабильности. Все вместе они должны были осуществлять сбор сведений о положении дел в провинциях [Boak, Hudson, 1943, p. 447], были обязаны инспектировать деятельность провинциальных администраций [Chastagnol, 1997, p. 447; Demandt, 1989, S. 234], пресекая возможные злоупотребления и расследуя уже совершенные [Boak, Hudson, 1943, p. 447], обеспечивали дисциплину, надзирая за тем, чтобы причитающиеся казне средства вовремя и в полном объеме доставлялись в центр [Kelly, 2004, p. 205–206]. Государственные агенты, по замечанию выдающегося ритора, философа и государственного деятеля IV в. Фемистия [Фемистия], должны были стать «друзьями» императора, с помощью которых он сможет видеть и слышать даже то, что находится вдали от него, с помощью которых он будет знать, что происходит в самых отдаленных уголках его империи, с помощью которых он одновременно будет присутствовать повсюду (Them. Or. I.19) [Vanderspoel, 1995, p. 71–74]. Однако Палладий, будучи направлен в провинцию для того, чтобы разобраться в «деле Романа» на месте и установить справедливость, возложенной на него миссии предпочел деньги, взятку, с помощью которой провинциальный начальник сумел вывернуть факты так, что справедливость не только не была восстановлена, но и более того, подвергнутые ограблению и по-

руганию горожане, пытавшиеся найти защиту в императорском дворце, оказались виновны и понесли наказание за свою попытку справиться с произволом, представлявшим угрозу для всей империи. Иными словами, взятка, полученная Палладием, носила политический характер [Lenski, 2002, p. 70], способствовала сползанию ситуации в позднеримском государстве в бездну. Не случайно известный позднеантичный ритор Либаний (314–394 гг.) [Либаний] называл агентов «ищейками», которые вместо того, чтобы разбираться в истинных причинах преступлений, терроризировали провинциалов, «овчарками, присоединившиеся к волчьей стае», «церберами», «многоголовыми монстрами», и каждый, кто вступал в контакт с которыми неминуемо подвергался ограблению (Lib.Or. 18.134–136, 138, 140).

Таким образом, все сказанное прямо указывает на два факта: 1) жажда наживы, незаконного обогащения как смертельная болезнь поражала позднеримский государственный организм; ей были подвержены и провинциальные чиновники, и агенты императорской канцелярии в равной мере; 2) фактор незаконного обогащения представлял непосредственную угрозу для государственной безопасности Поздней Римской империи, снижал уровень ее обороноспособности. Следовательно, есть все основания полагать, что А. Альфельди был совершенно прав, связывая падение империи с «безрассудной жажды золота» [Alföldi, 1952, p. 30].

Формы коррупции. Приведенные выше факты позволяют определить формы административной коррупции, распространенные в Поздней Римской империи. Во-первых, в имперской системе власти и управления широкое распространение получило взяточничество, когда должностные лица брали деньги или получали иные материальные выгоды взамен на оказание «услуг», которые сами подчас носили корыстный характер.

Во-вторых, в среде позднеримского чиновничества распространенным явлением было вымогательство. Сановники всех рангов и званий за выполнение действий, входивших в их должностные обязанности, требовали деньги или предоставление иных материальных выгод.

В-третьих, распространенным явлением было злоупотребление чиновниками предоставленными полномочиями, сопряженное с незаконным обогащением.

В-четвертых, одной из форм административной коррупции было незаконное использование служебных полномочий в интересах третьих лиц, в том числе родственников, опять же сопряженное с незаконным обогащением.

Все вышеназванные формы коррупции, их наличие отчетливо осознавались верховной властью. Императоры понимали опасность коррупции и для государства в целом, и для своей собственной власти, поскольку административный произвол делал государственную систему фактически неуправляемой. В связи с этим позднеримский законодатель предусматривает ряд мер, направленных на противодействие коррупции в системе государственной власти и управления.

Механизмы противодействия административной коррупции в Поздней Римской империи. В первую очередь, позднеримское императорское законодательство пытается поставить преграды на пути использования личных связей и «покровительства» на государственной службе в корыстных целях. Подтверждением тому служит императорский эдикт 333 г., в котором Константин запрещает использовать связи, или «покровительство», для обретения должности прокуратора. Судя по тому, что адресован документ префекту претория Феликсу, можно полагать, что преторианская префектура несла ответственность за недопущение фактов подобного рода в пределах всех провинций, образующих территорию префектуры (CTh. 1.32.1). Логичным продолжением императорского установления является эдикт 359 г. Здесь Юлиан и Констанций заявляют, что вообще «ни один человек не должен добиваться какой-либо должности посредством покровительства». На сей раз документ адресован магистру оффиций, который, очевидно, был обязан обеспечить его действие на всей территории римского государства (CTh. 1.9.1).

В свою очередь, запрещая использовать личные связи и «покровительство», которое, как мы помним, могло быть куплено, императоры устанавливают в качестве условия

карьерного роста бюрократический принцип личной выслуги, буквально заявляя, что единственным основанием для повышения по службе может быть «добросовестный труд, засвидетельствованный всеми» (CTh. 1.9.1). Названный принцип следует рассматривать как базовый антикоррупционный механизм в Поздней Римской империи. Следование ему делало бессмысленными подкуп, дачу взяток с целью «приобретения» должности.

Еще один подобный механизм предусмотрен эдиктом Аркадия и Гонория 400 г. Документ устанавливает принцип, согласно которому руководитель провинции не имел права назначить на какую-либо должность в своей администрации человека, происходящего из мест, родом из которых был он сам. Напротив, на административные посты в провинциальных ведомствах следовало назначить «человека, призванного из других мест» (CTh. 1.34.1). Названный механизм должен был затруднить установление личных связей между чиновниками, выстраивание коррупционных схем, используя фактор расстояния и отсутствия коммуникаций.

Дополнение к рассмотренным законоположениям содержится в эдикте Гонория и Феодосия от 31 мая 423 г. Если прежним императорским предписанием провинциальные руководители ограничивались в праве назначать сотрудников подчиненных им ведомств, то теперь они, видимо, этого права лишались вовсе. Отныне все «канцлеры», «советники» и иные чиновники должны были направляться в провинцию извне на основании «общественного выбора горожан», подтвержденного «заслуживающими доверия документами» (CTh. 1.34.3). Все сказанное вновь ограничивает полномочия руководителя провинции, создает новые препятствия к выстраиванию коррупционных сетей влияния и связей, ибо провинциальный начальник окончательно перестает быть человеком, который мог быть полезен в деле «покупки» той или иной должности в провинциальном управленческом аппарате и с которым «имело смысл» устанавливать личные контакты.

В целом, описанные выше меры носили упреждающий характер, были нацелены на предупреждение административной коррупции. Естественно, что их было недостаточно. Государство должно было быть способно еще и отвечать на уже совершенные преступления, восстанавливая социальную справедливость и демонстрируя свою волю к искоренению коррупции как таковой. Нормы, преследующие названные цели, содержатся в поздне-римском императорском законодательстве.

В данном контексте важное значение имеет эдикт Валентиниана, Феодосия и Аркадия от 9 марта 358 г. Согласно документу, всякий чиновник, получивший повышение незаконным путем, должен был быть незамедлительно отрешен от должности и возвращен на место, с которого он был незаконно возвышен (CTh. 1.9.2).

Что же касается руководителя провинции, который вопреки закону осмеливался самостоятельно назначать сотрудников своей администрации, то такого чиновника предписывалось «наградить клеймом позора». Кроме того, провинциальный начальник нес материальную ответственность – он должен был лишиться «его добра». Иными словами, речь идет о конфискации имущества (CTh. 1.34.3).

Таким образом, сама форма наказания указывает на то, что самовольное назначение провинциальным руководителем сотрудников подчиненных ему ведомств могло быть сопряжено с незаконным обогащением, вероятно, получением взяток и, фактически, продажей должностей.

Вообще же, поздне-римское законодательство довольно активно использует санкции имущественного характера за нарушение административного порядка управления, примеры чему мы неоднократно встречаем в «Кодексе Феодосия». Так, например, проконсул, незаконно передавший «часть собственной власти» своему помощнику легату, должен был быть наказан штрафом в 30 фунтов золота (CTh. 1.12.8). С определенной долей вероятности можно предположить, что и в названном императорском предписании может быть заложен определенный «антикоррупционный» смысл, поскольку многие люди, очевидно, стремились к обретению обширной проконсульской власти и были готовы заплатить за то, чтобы получить, возможно, за деньги хотя бы некоторые из полномочий

проконсулов. Именно такое поведение чиновников позднеримское законодательство именует «пороками безрассудного поведения», предписывая карать любые формы проявления такого штрафа в 5 фунтов золота (CTh. 1.12.6).

Таким образом, приведенные выше формы противодействия административной коррупции в первую очередь, как мы видим, нацелены на недопущение незаконного обретения государственной власти, возможно, «покупки» должностей. Для достижения поставленной задачи законодатель вводит как меры упреждающие совершение соответствующих преступлений, так и меры карательного характера, в числе которых штрафы и даже конфискация имущества.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать ряд выводов.

1. Административная система Поздней Римской империи была сильно подвержена коррупции. Это подтверждают и материалы повествовательного характера, содержащиеся в трудах позднеримских историков, и данные законодательства, представленного в «Кодексе Феодосия».

2. В Поздней Римской империи к распространенным мотивам совершения преступлений в сфере государственного управления относились: а) стремление обрести власть посредством получения той или иной должности; б) стремление к обогащению.

3. Наиболее распространенными формами административной коррупции были дача и получение взяток, а также вымогательство денег или иных материальных ценностей в связи с исполнением должностных обязанностей.

4. В Поздней Римской империи формируется особый законодательный массив, включающий нормы антикоррупционного характера. Составляющие этот массив акты, во-первых, вводят правовые механизмы, препятствующие незаконному обретению власти, в том числе путем фактической «покупки» должности; во-вторых, устанавливают ответственность за совершение коррупционных преступлений. Эта ответственность носила имущественный характер и выражалась либо в штрафах, либо в конфискации имущества.

5. Ответственность за преступления, характеризующиеся признаками коррупции, обнаруживает две особенности. Во-первых, она носила относительно «мягкий» характер. За «куплю-продажу» должностей, злоупотребление властью в корыстных целях закон не предусматривает смертной казни, телесных наказаний и пр. Заметим, что именно эти меры «воздействия» законодатель активно использует в целях противодействия коррупции в сфере финансов, а также в области судопроизводства. Во-вторых, за ту же самую «куплю-продажу» должностей закон устанавливает ответственность только для «продавца», в то время как «покупатель» всего лишь утрачивал незаконно обретенную им власть, не подвергаясь никаким иным видам санкций.

6. Административная коррупция в Поздней Римской империи была системной проблемой и осознавалась верховной властью как таковая. Системность коррупции проявлялась в существовании целых коррупционных сетей, в которых чиновники, находясь между собой в связи, обусловленной дачей взятки или даже кровным родством, покрывали преступления друг друга, оказывали незаконную протекцию и т.д. В свою очередь, ответом на это становится формирование определенной системы мер, предусмотренных позднеримским законодательством, нацеленных на противодействие коррупции.

7. Видимо, средств, используемых верховной властью для искоренения коррупции, было недостаточно. Коррупция в сфере государственного управления Поздней Римской империи сохранялась и порождала новые угрозы. Периодическая повторяемость в «Кодексе Феодосия» норм антикоррупционного содержания, весьма удаленных друг от друга хронологически, говорит о том, что требования императорского закона не соблюдались, делая систему власти и управления империи все менее контролируемой.

Список литературы
References

1. Гюнтер Р. 1992. Социальные проблемы перехода от античности к средневековью. ВДИ. 3: 112–118.
Gjunter R. 1992. Social'nye problemy perehoda ot antichnosti k srednevekov'ju. VDI. 3: 112–118. (in Russian)
2. Зосим. 1997. Новая история. Кн. VI / Пер. и коммент. Н. Н. Болгова. Вопросы всеобщей истории и политологии (к 20-летию истор. фак. БелГУ). Белгород, БелГУ, 49–56.
Zosim. 1997. Novaja istorija. Kn. VI / Per. i komment. N. N. Bolgova. Voprosy vseobshhej istorii i politologii (k dvadcatiletiju istor. fak. BelGU). Belgorod, BelGU, 49–56. (in Russian)
3. Коптев А.В. 1995. От прав гражданства к праву колоната. Формирование крепостного права в поздней Римской империи. Вологда, Ардвисура, 320.
Koptev A.V. 1995. Ot prav grazhdanstva k pravu kolonata. Formirovanie krepostnogo prava v pozdnej Rimskoj imperii. Vologda, Ardvisura, 320. (in Russian)
4. Лебедева Г.Е. 1989. Динамика социальной структуры ранневизантийского общества (по данным Кодексов Феодосия и Юстиниана). Автореф. дис. док. ист. наук: 07.00.03. Л., ЛГУ, 24.
Lebedeva G.E. 1989. Dinamika social'noj struktury rannevizantijskogo obshhestva (po dannym Kodeksov Feodosija i Justiniana). Avtoref. dis. dok. ist. nauk: 07.00.03. L., LGU, 24. (in Russian)
5. Либаний. Электронная библиотека Института философии РАН. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH8353aad77d30fdcb402683> (дата обращения: 07.09.2017)
Libanij. Jelektronnaja biblioteka Instituta filosofii RAN. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH8353aad77d30fdcb402683> (data obrashhenija: 07.09.2017)
6. Фемистий. Электронная библиотека Института философии РАН. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01018ed2674d1aedc5392301> (дата обращения: 07.09.2017)
Femistij. Jelektronnaja biblioteka Instituta filosofii RAN. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01018ed2674d1aedc5392301> (data obrashhenija: 07.09.2017)
7. Alföldi A. 1952. A conflict of ideas in the Late Roman Empire. The Clash between the Senate and Valentinian I. Oxford, Clarendon Press, 410.
8. Ammianus Marcellinus. 1968 – 1971. Römische Geschichte. Lateinisch und Deutsch und mit einem Kommentar versehen von W. Seyfarth. Bd. 1 – 4. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
9. Boak A.E.R, Hudson R. 1943. A history of Rome. To 565 AD. New York, The MacMillan Company, 511.
10. Chastagnol A. 1997. Le Bas-Empire. Paris, Colin, 398.
11. Demandt A. 1989. Die Spätantike. Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian, 284 – 565 n. Chr. München, Beck, 688.
12. Kelly K. 2004. Ruling the Later Roman Empire. Cambridge, London, The Belknap Press of Harvard University Press, 288.
13. Lenski N. 2002. Failure of Empire. Valens and the Roman State in the Fourth Century A.D. Berkley, University of California Press, 422.
14. Libanius. 1969. Selected Works: In 3 Vols (With an Engl. transl., introd. a notes by Norman A.F.). Cambridge, Harvard University Press; London: Heinemann.
15. Matthews J.F. 1989. The Roman Empire of Ammianus. London, Duckworth, 492.
16. Socratis Scholastici. 1859. Historia ecclesiastica. PG. T. 67. Paris. Col. 30–842.
17. The History of Count Zosimus, Sometime Advocate and Chancellor of the Roman Empire. 2010. New York, Nabu Press, 412.
18. The Theodosian Code and Novels and sirmondian constitutions. 2001 / A translation with commentary, glossary, and bibliography by C. Pharr in collaboration with T.S. Davidson and M.B. Pharr. New Jersey, The Lawbook Exchange, 822.
19. Themistii orationes quae supersunt. 1965. Bd. I / Eds. H. Schenkl, G. Downey. Leipzig, Teubner, 365.
20. Vanderspoel J. 1995. Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty, and Paideia from Constantius to Theodosius. Ann Arbor, University of Michigan Press, 374.